

Эта болезнь распространилась, к несчастью, и у нас. Несмотря на благородные усилия Жуковского и некоторых других писателей познакомить нас с германским миром, мы почти все воспитаны на французский манер, на французском языке и французскими мыслями. Нападки на французских гуввернеров будут не новостью: какому-нибудь портному или сапожнику, выгнанному из Франции голодом, потому что он свое ремесло худо знает, поверялось воспитание детей.

*«Мы все учились понемногу
Чему-нибудь и как-нибудь:
Так просвещеньем, слава богу,
У нас немудрено блеснуть¹».*

И эта односторонность, эта пустота нашего домашнего воспитания есть главная причина призрачности нашего нового поколения. Вместо того, чтобы разжигать в молодом сердце искру божью, положенную в него самим провидением; вместо того, чтобы пробуждать в нем глубокое религиозное чувство, без которого жизнь не имеет и не может иметь никакого значения и превращается в бессмысленное прозябание; вместо того, чтоб образовать в нем глубокое эстетическое чувство, которое спасает человека от всех грязных, непросветленных сторон жизни; вместо всего этого его наполняют пустыми, бессмысленными французскими фразами, которые убивают душу в ее зародыше и вытесняют из нее все, что в ней есть святого, прекрасного. Вместо того, чтоб приучать молодой ум к действительному труду; вместо того, чтоб разжигать в нем любовь к знанию и внушать ему, что знание есть само себе цель, есть источник великих, неистощимых наслаждений и что употребление его как средства для блистания в обществе есть святотатство, его приучают к пренебрежению трудом, к легковёрности, к пустой блестящей болтовне обо всем. И мудрено ли, что подобное воспитание образует не крепкого и действительного русского человека, преданного царю и отечеству, а что-то такое среднее, бесцветное и бесхарактерное? И еще раз повторяю: вот источник нашей общей болезни, нашей призрачности! Разверните какое вам угодно собрание русских стихотворений и посмотрите, что составляет, а особенно составляло пищу для ежедневного вдохновения наших самозванцев-поэтов: бессильное и слабое прекраснодушие. Один объявляет, что он не верит в жизнь, что он разочарован, другой, что он не верит дружбе, третий, что он не верит любви, четвертый, что он хотел бы сделать счастье своих братьев-людей, но что они его не слушают и что он оттого очень несчастлив. Но оставим этих призрачных поэтов призрачного самоослабления и обратим свое внимание на великого Пушкина, на этого чисто русского гения, рассмотрим главные моменты его жизни, и мы увидим в его развитии удивительную логическую последовательность. Он также получил ложное, призрачное воспитание и был некоторое время в том состоянии, которое он так ясно, так могущественно описал в своем «Онегине»; он также начал прекраснодушную борьбу с действительностью и прошел через долгие и мучительные испытания. Борьба и примирение с действительностью дорого стоили ему: борьба с действительностью должна была повергнуть его в отчаяние, потому что действительность всегда побеждает, и человеку остается или помириться с нею и сознать себя в ней и полюбить ее, или самому разрушиться – и посмотрите, как было глубоко отчаяние Пушкина:

*«Дар напрасный, дар случайный,
Жизнь, зачем ты мне дана?
Иль зачем судьбою тайной
Ты на казнь осуждена?
Кто меня враждебной властью
Из ничтожества воззвал,
Душу мне наполнил страстью,
Ум сомненьем оковал?
Цели нет передо мною:
Сердце пусто, празден ум.
И томит меня тоскою
Однозвучный жизни шум».²*

¹ Пушкин А.С. Евгений Онегин. I. 5.

² Стихотворение А.С. Пушкина «Дар напрасный, дар случайный...».